

Н. П. СТЕПАНЯН

**PUNICA GRANATUM L. (PUNICACEAE) НА
АРМЯНСКОМ НАГОРЬЕ (АРХЕОБОТАНИЧЕСКИЕ
ДАННЫЕ, VIII в. до н. э. — III в. н. э.)**

В представленной статье обобщены все доступные археоботанические данные по *Punica granatum* L. на Армянском нагорье, относящиеся к VIII в. до н. э. — III в. н. э.

Մերիական Ն. Պ. Նոթը (*Punica granatum* L., *Punicaceae*) Հայկական լեռնաշխարհում (հնարուսարանական տվյալներ, մ. թ. ա. VIII — մ. թ. III դդ.): Ներկայացված հոդվածում ամփոփված են Հայկական լեռնաշխարհում *Punica granatum* L. տեսակին առնչվող հայտնի բոլոր հնարուսարանական տվյալները, որոնք վերաբերում են մ. թ. ա. VIII — մ. թ. III դարերին:

Stepanyan N. P. *Punica granatum* (*Punicaceae*) in Armenian highland (archaeobotanical data, VIII BC — III c.). The presented article summarizes full accessible archaeobotanical data on *Punica granatum* L. concerning Armenian highland for the period from VIII BC to III centuries.

Армянское нагорье является одним из очагов Переднеазиатского центра происхождения культурных растений (Вавилов, 1926; Жуковский, 1964; Синская, 1969). Здесь и сейчас произрастают предки и доноры многих культурных растений, таких как пшеница, ячмень, рожь, чечевица, нут, горох и др. Особую группу составляют плодовые растения: груша, айва, черешня, слива, инжир, гранат и пр. При установлении первичных очагов культурных растений используются различные методы: ботанико-географический, палеоботанический, цитогенетический, лингвистический и другие. В представленной работе обсуждаются данные археоботанических исследований.

Археоботанические находки на Армянском нагорье относятся к очень ранним периодам — много растительных остатков периода энеолита и ранней бронзы (например, колосья и зерна пшеницы, ячменя), орудий труда, связанных с земледелием (зернотерки, ступы, мотыги и пр.), имеются находки шестирядного ячменя, относящиеся к VII–VI тыс. до н. э. (Овсепян, 2004); стилизованные растительные изображения обнаруживаются здесь с V тысячелетия до н. э. (Тараян, 1989).

Первые археоботанические данные, касающиеся непосредственно граната (*Punica granatum* L., *Punicaceae*), относятся к более позднему, урартскому периоду (IX–VI вв. до н. э.). Именно этой эпохой датируются урартские и ассирийские письменные источники, свидетельствующие о культуре земледелия на территории Армянского нагорья и, в том числе, садоводства. При этом, ассирийские источники несут информацию в основном о садоводстве и виноградарстве в бассейнах озера Урмия и верхнего Тигра, в то время как урартские письменные источники и археологический материал освещают состояние этих отраслей земледелия в центральных областях и на территориях северо-восточной периферии государства Урарту. Ассирийские письменные памятники содержат лишь косвенные данные о развитии садоводства и виноградарства в областях, при покорении которых ассирийские захватчики либо разрушают, опустошают и предают огню фруктовые сады и виноградники, либо принимают вино в качестве дани (Арутюнян, 1964). С другой стороны, множество урартских клинописей повествуют о насаждении виноградников и разведении садов, сооружении кладовых, проведении широкой и сложной сети ирригационных каналов и создании искусственных озер. К сожалению, нигде в клинописных текстах не указывается состав фруктовых садов и не упоминается, возделывался ли здесь гранат. Следует подчеркнуть, что свидетельства урартских клинописных источников о насаждении садов и виноградников следует понимать лишь как расширение работ, поскольку земледелие вообще, и садоводство, в частности, существовало на Армянском нагорье еще задолго до урартского государства.

Много растительных остатков было обнаружено в разные годы при раскопках урартского города Тейшебаини

на холме Кармир-Блур, находящегося на юго-западной окраине Еревана на левом берегу реки Раздан. Памятник датируется VII в. до н. э. Материал, интересный для ботаники, дает анализ пород деревьев, из которых изготавливались балки и настил поверх балочного покрытия. Среди них: тополь, сосна, дуб, ясень. Были найдены также детали мебели и кухонной утвари, выполненные из древесины тополя, сосны, ильма, липы и ясеня. Данные исследования проводились А. А. Яценко-Хмелевским и М. С. Гзырян по предложению Б. Б. Пиотровского в 1953 г. в лаборатории анатомии растений Ботанического Института АН Арм ССР (Пиотровский, 1952).

Раскопки в центральной части цитадели на холме Кармир-Блур дали богатый материал по земледелию той эпохи. Учитывая, что в VII–VI вв. до н. э. Тейшебаини был самым крупным административно-хозяйственным центром во всем Закавказье, можно допустить, что запасы земледельческих продуктов из других районов в качестве дани регулярно поступали в Тейшебаини. Н. В. Арутюнян (1964)

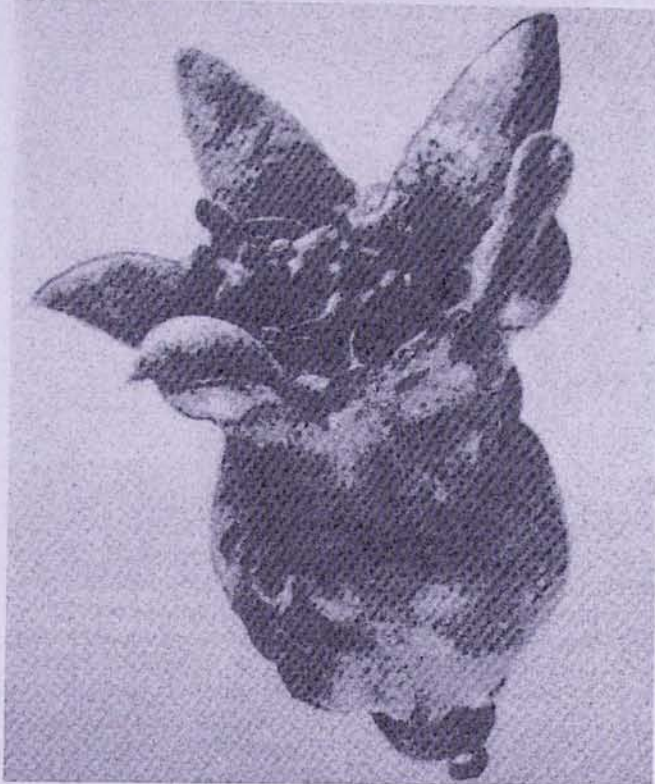

Рис. 1. Цветок граната из раскопок Кармир Блур, VII в. до н. э. (Пиотровский, 1970)

полагает, что богатые зерновые и другие запасы этого центра собирались не только с посевных площадей Араратской равнины, но и с некоторых земледельческих районов присеванского бассейна. В Тейшебаини были найдены кладовые, общая емкость которых около 750 тонн зерна. Среди находок: разные сорта пшеницы, ячмень, просо, нут, семена арбуза, люффы и других растений. Очень много находок винограда различных сортов, включая и остатки изюма (кишмиша). Наряду с этим обнаружены остатки плодов сливы, алычи, айвы, вишни и граната (Пиотровский, 1944, 1950, 1979). Синская отмечает, что остатки винограда найдены здесь в малом количестве, поскольку к моменту гибели города Тейшебаини «в начале августа виноград еще не созрел» (1969: 65). Сказанное можно отнести и к гранату, который созревает в основном намного позже, и, следовательно, найденные остатки плодов граната могли быть из урожая предыдущего года. Хотя и сейчас в Армении есть сорта граната, созревающие уже в августе.

Интересны обстоятельства, позволившие обнаружить остатки граната (раскопки 1948 г.). На большой глубине

под слоем обрушившихся кирпичей, образовавших непроницаемый для воды и воздуха слой, создались условия для сохранности плодов, зерен и травы. Там и оказались куски корки гранатового плода с ячейками и прилегающими к ним косточками (определены А. М. Вермишян). Среди них был найден в прекрасном состоянии и цветок граната, на котором сохранились даже чашелистики и тычинки. «Этот изумительный обугленный цветок удалось пропитать синтетическими смолами, и он хранится теперь подобно хрупкому экспонату из стекла» (Пиотровский, 1979: 5). Однако в Институте виноделия и виноградарства, который указан Пиотровским как место хранения столь ценного экспоната, его не оказалось. Так что, все, чем мы теперь располагаем — это его черно-белая фотография (рис. 1).

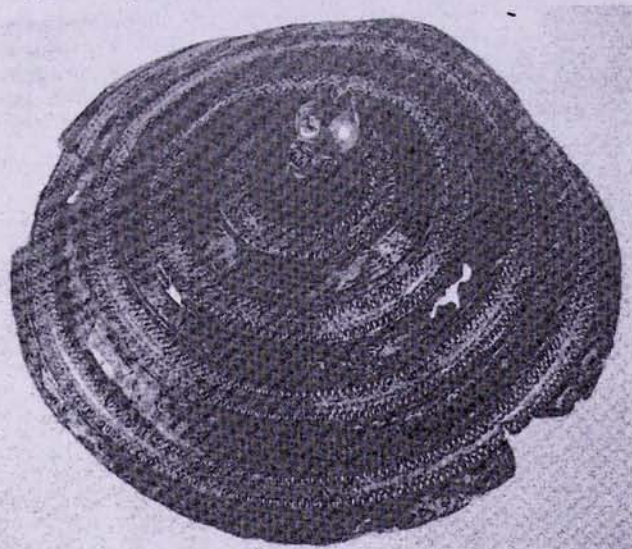

Рис. 2. Золотая ручка крышки сосуда, выполненная в форме граната. Кармир Блур, VIII в. до н. э. (Саакян и др., 2005)

Значительно менее хрупкой оказалась другая находка из крепости Тейшебаини — массивный плод граната из золота, служащий ручкой серебрянной крышки сосуда (рис. 2). Крышка украшена характерным урартским орнаментом — гирляндой из бутонов и снабжена клинописной надписью Аргишти I-ого, которая позволяет датировать это изделие VIII в. до н. э. (Пиотровский, 1979).

Отмечаются изображения граната и на фресках крепости Тейшебаини. Здесь обломки росписей стен были обнаружены среди кирпичей второго этажа, обрушившихся в нижний этаж. «...На основании обломков удалось полностью восстановить диск с отходящими лучами, на концах которых помещены пальметки и гранатовые яблоки». Отметим, однако, что данный мотив, определенный Пиотровским (1962, 1979) как «гранатовые яблоки» — довольно условный. Так, по убеждению А. Мнацаканяна (1955) здесь мы имеем дело с мотивом, отражающим

древнейшие представления о 4-х элементах (огонь, воздух, земля, вода). Обе точки зрения достаточно спорны, хотя, возможно, верны обе.

Изображения граната встречаются и на фресках другой урартской крепости — Арин-Берд (Эребуни). Памятник датируется VIII–V вв. до н. э. Раскопки 1950 года в юго-западном углу храма Халди, расположенного на территории крепости Арин-Берд, выявили многочисленные обломки росписей. Среди них гирлянды стилизованных плодов граната (Пиотровский, 1962). К сожалению нигде не приводятся фотографии или рисунки этих росписей. При раскопках 1959 и 1960 гг. в одном из центральных помещений дворца в Эребуни также были обнаружены крупные куски многоцветной росписи. Среди изображений — повторяющийся мотив Древа Жизни со стоящими около него божествами, гирлянды из плодов граната (Пиотровский, 1962, Оганесян, 1960). На приводимой фотографии можно видеть, что, помимо гирлянд, ветви Древа жизни также оканчиваются плодами граната (рис. 3).

«Бросается в глаза поразительная близость этих росписей с памятниками ассирийского искусства» — отмечал Пиотровский (1979: 16) (рис. 4). Наряду с тем, что «росписи урартских памятников имеют явные влияния ассирийской стенной живописи», он указывает также на влияние хетто-хуритской культуры (Пиотровский, 1962). «Повидимому, канон, общий для этих стран (Хеттское царство, Ассирия) накладывался здесь на древнюю самобытную художественную традицию народов, населявших Урарту» (Пиотровский, 1979: 20). Так или иначе, урартская, а также малоазийская — хеттская культуры развивались на территориях, расположенных как раз в первичном очаге культуры и формообразования вида *Punica granatum*, и, следовательно, вполне могли включать гранат в круг почитаемых, а потому — изображаемых растений. Ассирия же территориально не входила в область происхождения культуры граната, однако это растение было известно здесь давно, поскольку на ассирийскую культуру оказали влияние, помимо прочих, древние культуры Месопотамии: шумеро-аккадская и вавилонская. Известно, что гранат, не будучи для этой области туземным растением, был завезен в Междуречье в глубокой древности. В частности, Г. Чайльд (1956), считает, что, существовали широкие сношения с племенами, населяющими Армянское нагорье. Есть данные, что уже во второй половине III тыс. до н. э. в Месопотамии имелись насаждения граната. Более того, указывается, что после финиковой пальмы, гранат и фиговые деревья имели наибольшее значение в садоводстве Шумера (Синская, 1969). Таким образом, и в Ассирии почитание граната имело глубокие корни.

Необходимо заметить, что урартские изображения граната, как и другие изображения Древа жизни, а также животных и человеческих фигур, сильно стилизованы. Пиотровский отмечает: «... нет никакого сомнения в том, что урартские художники постоянно пользовались моде-

лями и трафаретами...» (1962: 122). Историки искусства неоднократно указывали на то, что при последовательном копировании одного и того же мотива получается упрощение, стилизация образа с потерей реалистических черт, а иногда и искажение его до неузнаваемости. В связи с этим отметим, что на большинстве урартских изображений Древа жизни, ветви заканчиваются плодами не совсем круглой, а несколько заост-

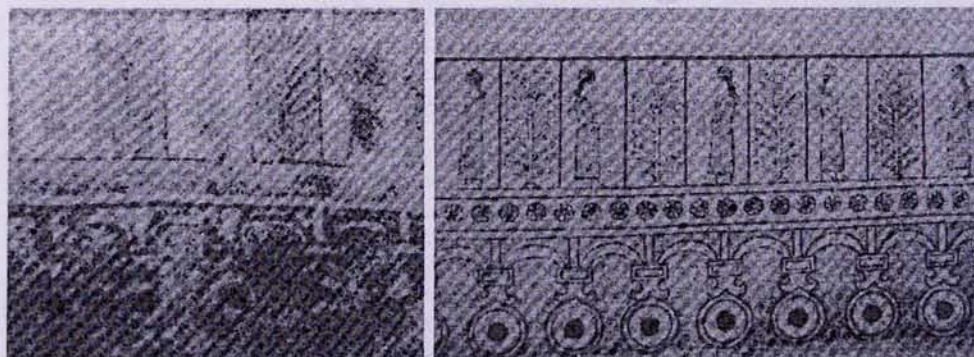

Рис. 3. Слева: фрагмент фрески с изображениями Древа жизни и гирляндой из плодов граната. Эребуни, VIII в. до н. э.; справа: реконструкция. (Оганесян, 1960)

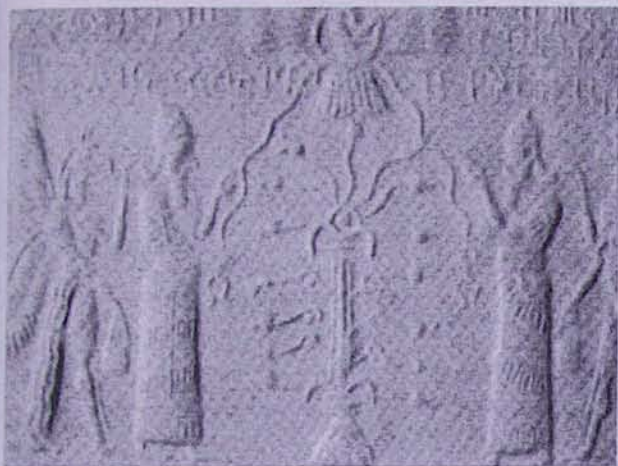

Рис. 4. Фрагмент ассирийского рельефа с мотивом граната. (Warner, 1975)

ренной формы. Мы, конечно, не можем однозначно утверждать, что здесь изображались плоды граната, с равным успехом это могли быть и, скажем, плоды смоковницы или шишки пинии, но, учитывая упомянутую сильную стилизацию изображений, для многих из них мы вполне можем сделать такое допущение.

Если обратиться к урартским клинописным источникам, то нужно отметить, что здесь нигде не встречаются какие-либо упоминания граната и, вообще, Священного Древа. Однако такие частые их изображения, носившие, бесспорно, ритуально-магический характер, не вызывают никакого сомнения в том, что почитание Древа играло очень важную роль в религиозном культе племен, населявших урартское государство.

Это противоречие может быть разрешено, если мы учтем характер двух основных источников наших представлений о религии урартов: 1) клинописные надписи (Пиотровский считает, что они обрисовывают государственную религию Урарту) и 2) изобразительные памятники (дают материал не только по официальной религии урар-

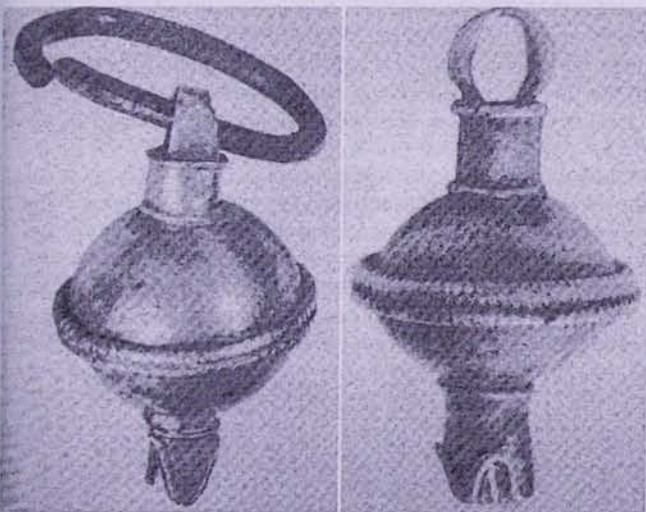

Рис. 5. Серебряные украшения из Неркин Навер и Арени (VII–VI вв. до н. э.). (Саакян и др., 2005)

тов, но и по народным верованиям, не получившим отражения в клинописных текстах).

Сведения первых источников весьма ограничены. В них упоминаются имена богов, рассказывается о строительных работах, принятых тем или иным царем: сооружении храмов, систем орошения, о насаждении садов и виноградников, перечисляются жертвоприношения богам. Среди них пока мало известны тексты собственно религиозного характера, такие как мифы, молитвы, магические заклинания.

Памятники второй группы – изображения на памятниках архитектуры, керамике, изделиях из металла, дерева, камня, кости, рога, тканях, дают представление не только об официальной религии урартского государства, но и о тех культах, которые, несмотря на их широкое распространение в Урарту, не получили никакого отражения в клинописных текстах (Пиотровский, 1944). Таков и культ Древа и, в том числе – граната, изображение которого столь часто встречаются в Урарту.

Есть несколько находок с изображениями граната, которые датируются VII–VI вв. до н. э. Это серебряные украшения в виде плодов граната и ритуальный сосуд в виде животного, на спине которого помещен плод граната (рис. 5, 6).

Изобразительных памятников последующих VI–IV вв. до н. э. сохранилось очень мало, поэтому этот временной отрезок считается загадочным периодом в истории армянской культуры (Тараян, 1989). Есть лишь одна находка с изображением граната, датированная V–IV вв. до н. э. – это ритон с орнаментом из плодов граната, лилий и пальметт из Ерзнка, который несет на себе явный отпечаток ахеменидского искусства (рис. 7).

При рассмотрении археоботанических данных по гранату, относящихся к эллинистическому периоду (III в. до н. э. – III в. н. э.), нужно подчеркнуть, что они весьма

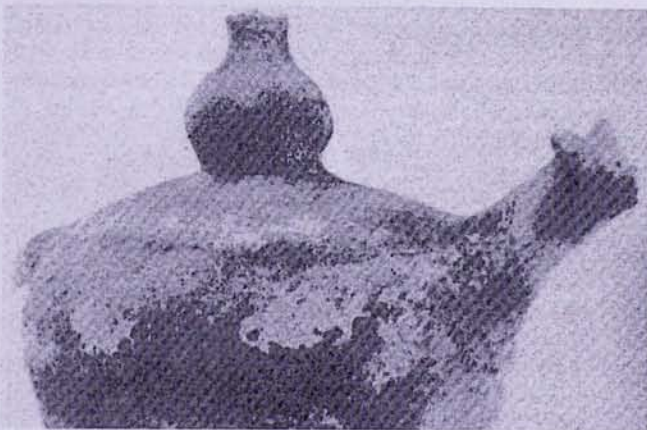

Рис. 6. Гранат на керамическом ритуальном сосуде в виде животного. Неркин Анд, VII–VI вв. до н. э. (Саакян и др., 2005)

малочисленны по сравнению с менее продолжительным и более отдаленным урартским периодом.

В области прикладного искусства – это подвеска из гарнийского погребения, выполненная в виде граната, украшенного ажуром, и припаем бутонов-шариков и золотое украшение в виде граната (рис. 8). Вообще, орнаментальные металлические изделия этого времени тяготеют по своим формам и отделке к предшествующим эпохам меди и железа и представлены в основном украшениями (Тараян, 1989).

В Двине были найдены высеченные из туфа человеческие головы, датированные рубежом старой и новой эры. Б. Н. Аракелян (1979: 25) отмечает, что одна из них имеет серьги в виде плодов граната, «...что, несомненно, является символом плодородия».

Что же касается монументальных архитектурных строений, то единственным известным нам сохранившимся подобным сооружением эллинистической эпохи является храм Гарни. А между тем, есть сведения о том, что на территории Армении в эту эпоху было воздвигнуто множество храмов, от которых до нас дошли лишь их названия. Среди них целый ряд храмов и святилищ был посвящен богине Анаит, атрибутом которой был гранат. Ее имя носила даже одна из областей исторической Армении – Анаитакан (область Екелеац – Акилисена) (Бдоян, 1986).

Рис. 7. Ритон с орнаментом из плодов граната, лилий и пальметт. Ерзика, V–IV вв. до н. э. (Саакян и др., 2005)

Основным источником наших знаний о местонахождении древних языческих святилищ являются описания Агatangелоса (1977), который, повествуя о событиях, происходивших после принятия Трдатом христианства, указывает маршрут, которым следовали Григор Просветитель в сопровождении царя и его свиты и последовательно разрушали храмы и капища языческих богов. Нетронутым оказался лишь храм в Гарни. Существует предположение, что он был переделан в часовню (Тревер, 1953). Однако прочие языческие храмы в Армении не просто превращались в христианские часовни, а разрушались до основания и на их месте воздвигались святилища новой веры. С принятием христианства преследования язычества, бесспорно, имели место и в других областях, но, тем не менее, греческие и римские храмы и поныне стоят и восхищают наших современников. На всей же территории исторической Армении был оставлен лишь один эллинистический храм подобного масштаба – храм Гарни, храм Солнца. Интересен сам факт, что один языческий храм все же не был разрушен. Храму Гарни было суждено уцелеть, остаться немим свидетелем времен язычества.

Храм в Гарни был посвящен божеству, культ которого, наряду с культом Анаит, был широко почитаем в Армении – Михру (Арегу). Многие источники указывают, что царь Трдат I, строитель храма в Гарни, не только поклонялся Михру, но выполнял также жрецеские функции. Храм несет отпечаток греко-римской архитектуры, однако многие историки архитектуры отмечали в нем черты самобытности. Прежде всего это сам материал, из которого был исполнен храм – твердый базальт, справиться с обработкой которого могли не пришлые римляне, а лишь местные мастера (Токарский, 1946). Отметим также отличительные черты орнаментики храма, и, в частности, растительной орнаментики. Самой яркой особенностью Гарнийского храма является богатство и разнообразие почти не повторяющихся растительных мотивов – явление, которое позже отмечается и для средневековой декорации армянских храмов (Тревер, 1953). Рисунок ни разу не повторяется, даются различные его варианты из лавровых и акантовых листьев, а иногда, из сочетания тех и других.

На акантовом фризе, вместо характерного для Греции аканта с острыми и колючими листьями, здесь перед нами тупые и широкие листья, так называемый «аканф мягкий». Показателен и характер многоплоскостной резьбы: часть

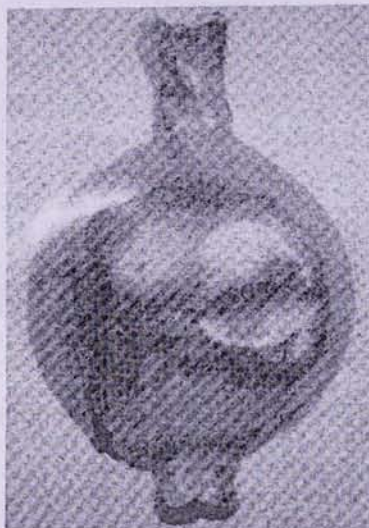

Рис. 8. Золотое украшение в виде граната. Ашнак, Талинский район, I–III вв. (Саакян и др., 2005)

веточек отделена от фона и представляет как бы плетение из базальтовых стеблей. И, наконец, «...в тематике самих орнаментов тоже имеются детали, выдающие местного, восточного мастера, высекавшего наиболее близкие и хорошо ему знакомые растительные мотивы и не стеснявшегося, например, снабдить в Гарни акантовую ветвь гранатовым яблоком – вещь невозможная в западной античной орнаментике...» (Тревер, 1953: 76).

Из числа храмов Малой Азии указываются два храма как наиболее близкие к Гарнийскому, и лишь на одном из них – в Сагалассе (Писидия – южная Малая Азия, вторая половина I в. н. э.), лежащем ныне в развалинах, также имеется эта «невозможная в западной античной орнаментике» деталь (рис. 9).

В Гарнийском храме гранат встречается всего один раз. Фриз украшен непрерывно вьющейся веткой, образующей спиральные завитки с акантовыми листьями, в середине завитка ветка заканчивается или пальметкой, или цветком, или (в одном случае) гранатовым «яблоком». Интересную деталь вскользь замечает Тревер: «Сердцевины завитков большей частью сбиты» (случайно ли?) (рис. 10).

Рис. 9. Храм в Сагалассе, вторая половина I в. Фрагмент фриза. (Тревер, 1953)

Рис. 10. Храм в Гарни, I в. Фрагмент фриз. Справа — изображение граната в центре завитка; сердцевина левого завитка сбита. (Тревер, 1953)

Тревер (1953: 76), сопоставляя множество фактов по армянской архитектуре, приходит к заключению, что «Гарнийский храм не может считаться единичным и в Армении случайным памятником архитектуры», утверждение, с которым трудно не согласиться. Однако, храм в Гарни, по существу — единственный «уцелевший», на котором, имеется единственный «уцелевший» мотив граната.

Анализ приводимых здесь археоботанических данных по гранату и сопоставление их с археоботаническими и этноботаническими материалами последующих эпох, однозначно указывают, что в начале IV века после принятия христианства все «доступные» изображения граната предшествующих эпох, как и вообще все, что было связано с языческими культами, ревностно уничтожались, и на протяжении нескольких последующих христианизации веков (а именно, до середины VII в., то есть до строительства храма Звартноц) гранат полностью «выпадает» из круга армянской орнаментики. Логично предположить, что та же судьба должна была постигнуть и само растение, поскольку возделывание его было теснейшим образом связано с языческим культом богини Анаит. Очевидно, что возделывание *P. granatum* в этот период также должно было пойти на убыль, более того — в эти века, возможно, происходила массовая вырубка гранатовых насаждений, имеющая религиозную подоплеку.

Многие авторы указывали, что экологические характеристики мест произрастания граната допускают гораздо более широкое его распространение на территории Армении, чем то, которое имеет место сейчас (Вермишян, 1941, Габриелян-Бекетовская, 1950). Ограниченное произрастание граната в наши дни обусловлено, помимо прочих, религиозно-историческими факторами. Пролить свет на причины, определившие современные границы ареала *P. granatum*, позволяют приведенные археоботанические материалы.

ЛИТЕРАТУРА

Агатангелос 1977. История Армении. Ереван. (на арм. яз.) (Ագաթանգեղոսի 1977. Պատմություն հայոց. Երևան)
Аракелян Б. Н. 1979. Искусство Древней Армении // Очерки по истории армянского изобразительного искусства: 21–36. Ереван.
Арутюнян Н. В. 1964. Земледелие и скотоводство Урарту. Ереван.
Бдоян В. А. 1986. Армянские солонки. Ереван. (на арм. яз.) (Բժոյան Վ. 1986. Հայկական աղամաններ. Երևան)

Вавилов Н. И. 1926. Центры происхождения культурных растений // Происхождение и география культурных растений, 1987: 33–126. Ленинград.
Вермишян А. М. 1941. Плодоводство Алавердского и Ноемберянского районов. Ереван.
Габриелян-Бекетовская Э. А. 1950. О культуре граната // Изв. АН Арм ССР, 3, 8: 665–675.
Жуковский П. М. 1964. Культурные растения и их дикие сородичи. Ленинград.
Мнацаканян А. Ш. 1955. Армянские орнаменты. Ереван. (на арм. яз.) (Մնացականյան Ա. Շ. 1955. Հայկական զարդարվածք. Երևան)
Овсепян Р. А. 2004. Археоботанические находки шестирядного ячменя (*Hordeum vulgare*) из неолитических слоев (VII–VI тыс. д. н. э.) Араташенского поселения Армении // Фл., растит., раст. рес. Армении, 15: 123–125.
Оганесян К. Л. 1960. Раскопки урартского города Эребуни // Советская Археология, 3: 289–300.
Пиотровский Б. Б. 1944. Искусство и культура Урарту. Ереван.
Пиотровский Б. Б. 1950. Искусство Урарту. 1. Результаты раскопок 1939–1949. Ереван.
Пиотровский Б. Б. 1952. Искусство Урарту. 2. Результаты раскопок 1949–1950. Ереван.
Пиотровский Б. Б. 1962. Искусство Урарту. Ленинград.
Пиотровский Б. Б. 1970. Кармир Блур. Ленинград.
Пиотровский Б. Б. 1979. Памятники Урартского искусства // Очерки по истории армянского изобразительного искусства: 15–20. Ереван.
Саакян А., Гаспарян Б., Арутюнян С., Калантарян А., Петросян Г., Сарксян Г., Мелконян Г., Гобосян С., Аветисян П. 2005. Вино в армянской традиционной культуре. Ереван. (на арм. яз.) (Սահակյան Ա., Գալստյան Բ., Հարությունյան Ս., Քալանթարյան Ա., Պետրոսյան Հ., Սարգսյան Գ., Մելքոնյան Հ., Հոբոսյան Ս., Ավետիսյան Պ. 2005. Գինին հայոց ավանդական մշակույթում. Երևան.)
Синская Е. Н. 1969. Историческая география культурной флоры (на заре земледелия). Ленинград.
Тараян З. Р. 1989. Символы симметрии орнамента в армянском прикладном искусстве. Ереван.
Токарский Н. М. 1946. Архитектура древней Армении. Ереван.
Тревер К. В. 1953. Очерки по истории культуры Древней Армении (II в до н. э. — IV в н. э.). Москва, Ленинград.
Чайльд Г. 1956. Древнейший Восток в свете новых раскопок. Москва.
Warner R. 1975. Encyclopedia of World mythology. London.